

Новая газ. - 2001. - 19-25 марта - с. 22

В недавно открывшемся Центре имени Мейерхольда завершился фестиваль спектаклей Валерия Фокина. Начали с «Нумера в гостинице города NN» — возможно, лучшего фокинского спектакля с Авангардом Леонтьевым в роли Чичикова, знаменитого уникальной, уже легендарной звуковой партитурой Александра Бакши и Марка Пекарского, наполняющей маленькую театральную коробку (трансформируемая сцена — гордость Центра) зримым, осязаемым гоголевским миром с его запахами, настроениями, шорохами, столами, смехом...

«Очень трудно находить что-нибудь в Гоголе — он как-то увертывается, прячется... А когда вы наконец найдете — это будет не то, не он: не вы его нашли, он сам высунулся, где не ждали. И сколько ни листай, сколько ни старайся узнать ПРО Гоголя, в комнате остается только след смеха, тень носа и запах легкой нечистой силы» — это Андрей Битов.

Фокин не то чтобы поймал неуловимого Гоголя, но точно создал атмосферу гоголевской фантазмагии, бреда и тремора. Вклад Авангарда Леонтьева в создание образа Чичикова неоценим и не оценен.

«Превращение» и «Еще Ван Гог» можно увидеть в репертуарных театрах, но всякий раз аншлаговые залы говорили о том, что малая сцена «Сатирикона» и коробочка «Табакерки» не могут вместить всех желающих увидеть Константина Райкина в роли кафкианского Грегора Замзы и Евгения Миронова — сошедшего с ума Ван Гога.

Завершила фестиваль российская премьера «Свадьбы» — третьего спектакля Валерия Фокина в лодзинском театре им. Стефана Ярача, одном из лучших в Польше.

За последние несколько лет Фокин поставил три чеховских спектакля — «Татьяну Репину» (копродукция Авинь-

СВАДЬБА БЕЗ ГЕНЕРАЛА

онского фестиваля и московского ТЮЗа), «Свадьбу» и «Трех сестер» (Национальный театр Хельсинки). Разбросанные по разным театрам и странам, они, тем не менее, внутренне связаны, представляют собой некую сценическую трилогию. Фокинский Чехов — жесткий, фантазматичный, наследующий мейерхольдовскую традицию, горюющий над абсурдностью общепринятых норм человеческого жизни. Его «Свадьба» — не бытовая комедия, не водевиль. Она «о трагичности морального уродства, которое при всей своей дикости чувствует себя в своем праве».

На по-свадебному накрытом столе среди цветов и бутылки — обескураживающе пустые тарелки: недаром жених жалуется, что денег за не-

вестой мало дали и кредитные билеты — в залоге... Бедные, облезшие деревянные шкафы на заднике, полубезумный пьяный отец, лживо улыбающаяся мать в подновленном по случаю чепше, сомнамбулические упившиеся гости с мертвенными, набеленными лицами,двигающиеся словно в рапиде, неожиданно запевающая арию цыганка. Но от резкого, звучного женского голоса так и не просыпается ни одна живая душа на этом адовом свадебном празднике. Все как будто в старом неотмытом

Фото Виктора СЕНЦОВА

те меня!» — такая внезапная, отчаянная усталость от разочарования в людях, как от удара по голове. Жесткая запрограммированность мизансцен абсолютно оправдана: безжизненная марионеточность гостей и молодых проистекает из самого их безвольного существования.

В финале гости по-звериному, на четвереньках забрались на свадебный стол, смахнув, не глядя, тарелки-ложки. Резкий свет софитов выделяет их мертвенно-белые лица, все они хором оскалились на бедного не-генерала, а он ничего не понимает: кто эти вдруг изменившиеся люди? Где он?

Это самая сильная сцена в спектакле, причем настолько, что сквозь страх смех уже не проступает. Просто тотально страшно. Может быть, в этом не абсолютная удача «Свадьбы» — при всем ужасе и дрожи «Нумера...» он оставлял тебе надежду и выход (пусть даже в ад), и дрожащий звук бьющей в жестяное ведро струи, и погребальный звон мертвых душ, и праздничное песнопение.

● Екатерина ВАСЕНИНА

Фокин Валерий

25.03.01

47